

В этой истории ничего не выдуманно. Даже имя главного героя осталось таким же, как и записано в его свидетельстве о рождении, — Гарстуков Валерий Павлович.

Валерий Павлович был полковником в отставке. Основная его служба прошла в Главном разведывательном управлении, знал он множество государственных секретов, но с тех пор, как вышел на пенсию, решил, что неплохо бы половину этих знаний забыть. Ну к чему теперь помнить, как вербовать шпионов или выведывать тайны у всякого рода личностей. Ему теперь остается ездить к морю в Крым, валяться на пляже, встречаться со старыми знакомыми в Судаке. Судак — это город его юности. Тут он окончил школу, тут осталась родительская квартира, тут до сих пор жили его школьные товарищи. О том,

что Гарстуков был полковником, знали многие, а вот о том, что его служба прошла в ГРУ, он мало кому рассказывал. И не потому, что это было большим секретом, просто обходились без подробностей. Полковник и полковник. Даже о том, что он доктор наук, Валерий Павлович упоминал редко. Теперь все равно пенсионер. Хотя военные пенсионеры не такие уж и немощные, как это может показаться молодым соотечественникам. Сил у Валерия Павловича хватало и в море проплыть — не каждый молодой угонится, и выпить при случае, не очень-то хмелея.

История, о которой пойдет речь, для других, может, ничего особого и не представляет, но Валерий Павлович в очередной раз понял, что его прошлая жизнь связана с настоящей неразрывными узами.

Приехав в Судак, он случайно попал в компанию своего нового

знакомого Сергея Ивановича Новикова. Его привел туда школьный друг. У Новикова в квартире собрались гости на какое-то торжество, среди которых оказалась родственница хозяев Людмила со своим гражданским мужем Лехой. Гарстуков поначалу их не очень-то и замечал. Мало ли кто к кому приходит. Однако вскоре эта парочка привлекла внимание всех присутствующих. Как стало выясняться в процессе общения, Людмила с Лехой вот-вот должны были расстаться. Они вели общий бизнес, держали маленький ресторанчик, но муженек, на которого были оформлены все бумаги, собирався ресторан продать, деньги прикарманить, а свою благоверную пусть по миру.

Такое положение, естественно, никому не понравилось. Особенно оно не понравилось школьному

другу Гарстукова. Он и шепнул Валерию Павловичу, что надо вмешаться. Если сейчас не разрулить ситуацию, этот Леха оставит Людмилу без средств существования, а у той на руках престарелые родители.

— Так что ты от меня хочешь? — спросил Гарстуков.

— Пошевели мозгами. В прошлом году ты сообразил, как организовать всему коллективу приличный отдых. Вот и теперь напрягись.

Гарстуков только рукой махнул. Не его, дескать, заслуга. Тогда была другая ситуация.

— Не прибедряйся, — сказал друг. — Благодаря тебе народ целый месяц на элитном пляже бесплатно загорал.

В прошлый сезон действительно вся их большая компания грела животы на самом престижном пляже города. Причем все ходили туда как к себе домой. Единственная фраза, которую они бросали через губу охраннику, была: «Мы от Валерия Павловича!» И не потому, что Валерий Павлович был такой всемогущий, а потому, что удачно сложились обстоятельства. Тот случай и сейчас у многих вызывает ностальгию.

Накануне на набережной Гарстукова познакомили с завхозом одного из местных пансионатов, в ведомстве которого находилась хорошо оборудованная прибрежная зона. Этот хозяйственник сожалел, что пансионат построил новый корпус, но людей нет. У персонала от этого заработок теряется. А Валерий Павлович ждал как раз двоих своих товарищей, приехавших из Москвы, которые поселились неподалеку в гостинице. Завхоз, когда услышал про московских гостей, сразу предложил, чтобы те перебирались из гостиницы в его здравницу. Таких условий, как у них, ни у кого нет. Навесы и шезлонги привезены из заморских краев. Гарстуков

развел руками и сказал, что никто ведь не видел ни навесов тех, ни шезлонгов, а потому и сравнивать не с чем. Сказал просто так, без всяких намеков. Но главный ключник пансионата расценил это по-своему. Ему захотелось показать москвичам свое хозяйство. Он настоял, чтобы Гарстуков сегодня непременно загорал на подвластной ему территории и дождался там своих товарищей. А сам дал распоряжение охране, что если кто будет идти к Валерию Павловичу, пропускать беспрепятственно. Причем велел приказ сменщикам передать. Никто же не виноват, что он не назвал ни количество людей, которых нужно пропускать, ни сроки их пребывания на шезлонгах. А потому грешно было не воспользоваться таким гостеприимством. Гарстуков тут же передал по цепочке информацию о сложившейся обстановке, а дальше публика уже сама знала, что предпринять. Если раньше все теснились на обычных пляжах, где пятки чужих соседей упирались им в подбородки, то после подвернувшегося случая перебрались туда, где до чужих соседей и не допрыгнешь. Охрана менялась, но приказ действовал, потому что его никто не отменял. Гарстуков даже сам иногда, чтоб долго не объяснять, говорил охранникам: «От Валерия Павловича!» Так и пошло. Через время он уехал, а народ все ходил и ходил от его имени. Подвизались даже те, кто Валерия Павловича и в глаза не видел.

Теперь все обстояло иначе. Теперь надо было влезать в семейный конфликт, а дело это неблагоприятное. Не заметишь, как сам виноватым окажешься. Не известны ведь истинные причины семейного разлада.

— Ну, так чем помочь Людмиле? — настаивал школьный друг. — Если Леха деньги прикарманит, она пропадет. Этот козел в долгах,

как в шелках. В прошлом году ездил в Лондон. Просадил все финансы в английский харчевнях. Говорит, перенимал ресторанный опыт для своей забегаловки. Теперь боится, что кредиторы мозги ему вышибут в темном переулке. Знаешь, как у нас его прозвали за английский вояж? Сыном Альбиона! А потом просто Альбионом, как мою собаку. Как бы вообще не смылся из Крыма.

Гарстуков покосился на Леху. Бывший сын Альбиона, а нынче просто Альбион, уже хорошо захмелевший, в этот момент говорил о трудностях провинциальной жизни. По его разумению, жизнь тут сплошное прозябание. В столицах люди с пониманием к предпринимательству относятся. Кредиты в банках дают. А тут не успеешь деньги одолжить — уже обратно требуют. Еще грозятся шею свернуть. А в столице за такую сумму никто и мараться не станет. Да и не только в деньгах дело. Там театры, концертные залы. Захотел комедию посмотреть — пожалуйста, захотел трагедию — будьте любезны. От живого искусства слезы на глазах наворачиваются. Если бы удачно продать ресторан, можно и задуматься о переменах в жизни.

Гарстуков, наслушавшись этих рассуждений, сказал:

— А зачем продавать? Можно и без продажи обойтись. А в столицу потом перебраться. Причем в любую столицу мира. Хотя бы в Лондон.

Леха, услышав про Лондон, поднял на Гарстукова глаза.

— Это как же? — спросил он.

Валерий Павлович ответил, что все вопросы можно решить, если к ним подойти с умом. Есть люди, которые заинтересованы в сотрудничестве с такими клиентами, как Леха. Они и утрясут все проблемы.

— Не понял, — сказал Альбион. — Ну, вам нужны деньги?

— Нужны!

— Значит, эта тема будет закрыта.

Дальше Леха услышал, что он может получить наличными сколько надо, кредитов взять сколько потребуется, а помощь в других вопросах не заставит себя долго ждать. И при всем при этом от самого Лехи потребуется всего ничего. Некоторая информация для заинтересованных лиц.

— Я как-то не очень понимаю, — промышчал Альбион.

— Есть структуры, которые собирают сведения о разных государственных учреждениях, о природных ресурсах страны и вообще о самом государстве. Причем в разнообразных сферах. И в военной области, и в общественной жизни. На базе таких данных определяется потенциал интересующего объекта. На случай конфликтов. Вы должны включиться в этот процесс.

— Но я никаких таких данных не знаю. — От вас потребуют только то, что знаете. Будете передавать то, о чем толкует народ. Через ваше заведение проходит уйма клиентов. Они, когда выпьют, болтают обо всем, что на душе наболело. Вот это и будет интересовать людей в определенных кругах.

Леха, хоть и был во хмелю, но нутром почуял, что подобные беседы лучше вести конфиденциально. Он осторожно покосился на окружающих, проверяя, как они реагируют. Взгляд этот перехватил Валерий Павлович и сказал, что за столом случайных людей нет. Все они давно уже связаны обязательством помогать цивилизованному миру.

— Есть такое слово «оппозиция», — продолжал он. — Но вам предлагается нечто фундаментальное. Так сказать, более глубокий уровень сотрудничества. Дело в том, что о вас мы знаем больше, чем вы представляете.

Вы, например, в курсе, что на вас готовится покушение? Жизнь ваша в опасности.

Леха опасность от кредиторов давно чувствовал. Но не до такой степени. Одно дело получить по зубам, а другое — сыграть в ящик. Лицо его стало вытягиваться, а руки чуть не опрокинули на столе рюмку. Валерий Павлович поспешил его успокоить, сказав, что он может считать себя под защитой. Только бумагу надо подписать.

— Какую бумагу?

— Заявление. Иначе на каком основании вас оберегать от посягательств? Отчеты в таких делах — первая необходимость. В доме есть бумага?

Когда подали бумагу, Альбион стал под диктовку писать заявление о добровольном сотрудничестве с английской разведкой. Написав несколько слов, он вдруг остановился и отложил ручку.

— Что такое? — не понял Валерий Павлович.

— Пальцы что-то сводит, — промямлил Леха. — Почерк не ахти. Может, завтра?

— Не валяйте дурака, пишите! Мы не в бирюльки играем!

Гарстуков снова сунул ему между пальцев ручку и продолжил диктовать дальше, а Леха, сопя и морщась, стал трясущейся рукой выводить каракули о том, как он по идейным соображениям желает помочь просвещенному человечеству.

— А если кто узнает? — спросил он, закончив писать. — Меня же... того...

— Кто может узнать? — ответил Валерий Павлович, передавая бумагу Людмиле. — Документ будет в надежных руках. Вы же имеете дело с серьезными людьми. Будете работать под псевдонимом Альбион.

Гарстуков на этом хотел закончить процедуру вовлечения Лехи в шпионскую деятельность,

но тут хозяин дома Новиков Сергей Иванович стал менять ситуацию.

— Ну, хватит, — сказал он. — Надоела мне эта комедия. Я звоню в КГБ.

Он достал телефон и стал набирать номер. Аббревиатуры КГБ давно уже не существовало, но та организация, которая пришла на смену прежней, была не менее суровой. Это знали все. Валерий Павлович и сам, грешным делом, подумал, как бы хозяин дома не отмочил какой-нибудь финт. Мало ли что у него на уме. Доказывая потом, что была шутка.

— Клиент готов, — говорил между тем Новиков. — Приезжайте, забирайте! Иначе сбежит.

Новоиспеченный агент Леха под псевдонимом Альбион бежать не пытался. Он сидел, прижавшись к спинке стула, покрываясь испариной и тараща пьяные глаза на двери, откуда должны были появиться люди из компетентных органов. Он даже встать не порывался. От чекистов не убежишь. Тем более что Новиков тут же сообщил: те уже на подходе.

И в этот момент в квартиру вошли двое мужчин. Они прошагали к столу, оглядели окружающих и вытащили из карманов две бутылки коньяка.

— Знакомьтесь, — сказал Сергей Иванович. — Мои кумовья.

У Валерия Павловича отлегло от сердца. То, что он сам шутил, — это одно, а то, что Новиков может пошутить, он не ожидал.

— Так вы что, комедию разыграли? — прохрипел Леха.

— Ну вам же не хватало комедий в провинции, — ответил Гарстуков. — Вот вам спектакль в натуральном виде. И в столицу ехать не надо. Могли и слезы в глазах появиться.

Альбион сидел, втянув голову в плечи. Потом повернулся к Людмиле:

— Отдай бумагу!

— Пусть пока у меня полежит.

— Я не сам. Меня вынудили.

— Никто тебя не вынуждал, — буркнула Людмила. — Добровольно писал.

Леха повернулся к Валерию Павловичу:

— Пусть бумагу отдаст. Зачем она ей?

— Отдаст, отдаст, — успокоил его Гарстуков. — Или продаст. Это уже как получится.

В тот вечер Людмила бумагу так и не отдала. Леха и слезу пускал, и клялся в преданности Родине, но ничего не вышло. Даже клятва в преданности самой

Людмиле на ситуацию не повлияла. Нечего было в шпионы лезть, когда мозгов нет. Впрочем, для Валерия Павловича эти семейные разборки были уже не важны. Его мысли переключились на другое. Он не то чтобы с сожалением, а скорее с иронией заметил, что весь его прошлый арсенал знаний не только не хочет улетучиваться, а, наоборот, прицепился к нему, как репей, и оторваться от него нет никакой возможности. Даже в такой пустяковой ситуации, как с этим Альбионом, первое, что пришло в голову, — его прежние навыки. Казалось бы, дел-то — плюнуть и растереть.

Так нет! Развил инициативу, будто перед агентом международного масштаба. Тут хочешь не хочешь, а вспомнишь известный постулат: разведчиков в отставке не бывает. Чуть какая проблема — голова начинает мыслить определенными категориями. Вот и Леха благодаря этому постулату попался на крючок. С ним можно было, конечно, и попроще что-то придумать, но как вышло, так и вышло. Пусть еще радуется, что не завербовали в японские, китайские и американские шпионы. Попробовал бы тогда откупиться от Людмилы.